

цию, находит, что дело союза с Турцией было провалено партией греков как у нас, так и в Константинополе. Объяснение это очень правдоподобно, оно вносит известную поправку к Голубинскому, но к сожалению не проливает никакого света на отношения Максима Грека к «греческой партии». Сведение о том, что в царском архиве находился списанный у Максима Грека «списокъ съ грамоты, что дали в Святую гору прежніе государи земли», еще не говорит за то, что Максим получил доступ к посольскому делу. Вообще, за неимением реальных данных точка зрения Максима и его деятельность освещаются по аналогии с деятельностью Скиндера, и в глазах Б. И. Дунаева¹ Максим рисуется таким же заговорщиком, каким был турецкий посол-грек. Отсюда — чрезмерная доверчивость к обвинению Максима во враждебных России сношениях с султаном: «Как-то содержание переписки Максима с турецкими пашами и султаном стало известным Московскому правительству. Можно думать, что он отправлял с Скиндером свои «лиживые списки» и что они также попали в руки наших переписывальщиков».² Подобная роль Максима совершенно не согласна с его характером человека, действовавшего открыто, не скрывавшего своих убеждений. Поэтому за исключением приведенной поправки относительно «греческой партии» мнение Голубинского все-таки должно быть признано наиболее обоснованным. Обвинение Максима Грека в том, что он сносился с турецкими пашами и султаном, с целью поднять султана на великого князя — должно считаться клеветой. Клевета эта создавалась, вероятнее всего, по поводу резко отрицательного отношения Максима к союзу с Турцией и столь же отрицательного отношения к каким бы то ни было соглашениям с турецкими вассалами Крымом и Казанью. А речь о грамотах Максима в Турцию могла возникнуть в связи с теми просьбами о своем возвращении в Ватопед, с которыми Максим обращался в Константинополь и которые он передавал, вероятно, через турецкого посла.³ Доверчивость к разбираемым обвинениям должна более чем колебаться и потому, что рядом с ними говорится о злодестве Максима: «Да ты же, Максим, волшебными хитростями еливетими писалъ еси водками

¹ Б. И. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке, стр. 12, М., 1916

² Ibid., стр. 31, 32.

³ Мнение В. С. Иконникова по затронутому вопросу неясно. С одной стороны, он допускает, что Максим мог пересылать турецкому послу письма из Волоколамского монастыря, хотя бы с настояниями о возвращении на Афон, с другой — говорит: «Конечно, теперь трудно утверждать, насколько верны обвинения его в сношениях с турецким правительством, но что они не были лишь клеветою — в этом едва ли можно сомневаться» (стр. 481, 482) Да, в самом факте сношений можно не сомневаться, но отрицать сношения, враждебные Московскому государству, есть все основания.